

На изумрудном лугу сердце Шэнь Чуна, умершего пять лет назад, внезапно сжалось. Острая боль пронзила его, словно дрель вонзилась в грудь. Он тяжело вздохнул:

— Пять лет прошло, а ты все еще помнишь меня!

Он вдруг улыбнулся, но из уголков его глаз скатились слезы.

Этот луг был слишком ярко-зеленым, словно его окрасили искусственным пигментом. Зелень была настолько насыщенной, что вызывала тревогу и даже физическое отвращение, если смотреть на нее слишком долго.

Шэнь Чун не был человеком, который легко плачет. Даже когда он расставался с Юнь Шаном, он сдерживал слезы и ушел с улыбкой. А Юнь Шан, напротив, рыдал так сильно, словно ребенок, разлученный с самым близким человеком, будто его сердце разрывалось на части.

Возможно, в тот момент, когда все рушилось, Шэнь Чун попытался схватить руку Юнь Шана и сказал:

— Я...

В следующее мгновение его поглотило пламя, и он оказался в утробе ужасного висельника. Вскоре висельник потерял сознание и принял человеческий облик.

Юнь Шан наконец открыл бутылку пива, сделал глоток и без эмоций начал рассказывать эту историю.

Сейчас он казался спокойным, словно рассказывал о чужой судьбе, и все события в этой истории не имели к нему никакого отношения. Видимо, он либо уже выплеснул всю свою боль, либо полностью отпустил прошлое.

Но действительно ли он отпустил его?

Ян Цзы внезапно вытер слезы и поднял бокал:

— Шэнь Чун был хорошим человеком. Выпьем за него.

Юнь Шан ответил:

— Одного бокала мало, нужно хотя бы бутылку.

Ян Цзы кивнул:

— Да, бутылку. Я принесу новую. — Он встал, подошел к холодильнику и взял две закрытые бутылки пива. Когда он вернулся, то увидел, что Юнь Шан уже выпил все открытые бутылки на столе, затем склонил голову и закрыл глаза, лежа на диване.

А из уголка его глаза скатилась слеза.

Шэнь Чун наконец решился сделать шаг. На этом слишком ярко-зеленом лугу его невесомое тело вдруг стало невероятно тяжелым, и каждый шаг давался с трудом, словно земля пыталась его поглотить.

Он тяжело дышал, поднял голову и посмотрел вперед. Впереди зелень поднималась, как горы, и камни катились в его сторону. С обеих сторон зелень волновалась, как морские волны, ураган

поднимался, и буря бушевала, словно наступал конец света. Он отступил на несколько шагов назад, где перед ним возвышалась огромная черная стена, уходящая в небо. От нее исходил запах смерти, который заставлял его трепетать.

Он стоял на самом дне, меньше и ничтожнее муравья.

Такое случалось уже много раз, и каждый раз он испытывал невероятные муки, едва выживая. Но как только он восстанавливал силы, эта сцена повторялась снова.

Где он был? Что это за зелень? Как он сюда попал? Шэнь Чун ничего не знал. Он только помнил, что давным-давно он как будто заснул, а когда проснулся, оказался в центре этого зеленого мира.

Как бы он ни старался, горы и волны всегда возвращали его на исходное место. В конце концов он просто лег и провел некоторое время в покое.

Но так продолжаться не могло. Это гнетущее одиночество, даже если и не убивало его, сводило с ума.

Шэнь Чун боялся одиночества больше всего.

Он сделал еще несколько шагов, и земля под его ногами начала дрожать, заставляя его потерять равновесие и упасть. В этот момент с неба упал камень, и он едва успел опустить голову, как камень пролетел над ним, чуть не сдвинув его линию волос еще дальше назад.

Вскоре еще один камень покатился вниз, а сбоку надвигалось цунами. Гигантская волна высотой с трехэтажный дом закрыла небо, словно неся с собой убийственную энергию, способную поглотить все живое.

Шэнь Чун откатился в сторону, едва избежав второго камня, но от огромной волны укрыться было невозможно. Он снова закрыл глаза, и волна обрушилась на него, заставляя его внутренности переворачиваться, словно в дешевой стиральной машине. Его тело, уже почти разваливающееся, терзалось, и казалось, что в любой момент оно распадется на части.

Но, может быть, это было бы лучше. Шэнь Чун уже отпустил все, когда умер. Если он смог отпустить любовь, то и смерть для него была не страшна. Еще одна смерть могла бы стать избавлением, потому что то, что ждало его дальше, было хуже смерти.

Волна хлынула в его легкие через нос. Вода была настолько зловонной, словно это была тысячетлетняя гниль, что его тошнило, и он кашлял, не в силах остановиться. Его грудная клетка сжималась от внутреннего и внешнего давления, и он чувствовал, что вот-вот взорвется.

И эта боль продолжалась, пока буря не утихла, и горы не опустились. Зеленая трава подняла Шэнь Чуна, но у него не осталось сил. Он беспомощно смотрел на такое же зеленое небо, скрючился и продолжал кашлять и задыхаться.

Те, кто пытался утопиться, но выжил, никогда не хотят повторить этот опыт, потому что процесс утопления слишком мучителен и болезненнее самой смерти. Но Шэнь Чун пережил это сотни раз, и каждый раз было хуже, чем в предыдущий.

Он не мог понять, что такого ужасного он сделал при жизни, чтобы после смерти испытывать такие муки. Это не было ни раем, ни адом, поэтому тот, кто управлял этим наказанием, не был ни Небесным Императором, ни Королем Призраков. Кто дал ему право наказывать вместо них?

Как он мог так поступить?

Юнь Шан проспал на диване до утра. Когда он открыл глаза, первое, что он увидел, было лицо мальчика в маске.

Нет, девочки.

Голос девочки был сладким, не высоким, а низким и мягким, похожим на мужской. Но теперь, слушая его чаще, он казался очень узнаваемым и идеально подходящим для этой девочки.

Голова Юнь Шана резко заболела, и он понял, что вчера пил пиво с полумертвым призраком.

Тогда он вспомнил, что, кажется, выпил только полбутылки. Почему же он так сильно опьянел?

Может, это было не опьянение от алкоголя, а от горя, но тот, кто заставил его страдать, никогда не вернется.

Юнь Шану было грустно, но на его лице застыла улыбка. Он попытался сесть, но не смог.

Большеглазка спросила:

— Почему ты не пошел спать в свою комнату?

Юнь Шан снова изобразил улыбку:

— На диване удобнее.

Большеглазка с презрением посмотрела на Юнь Шана, подошла к столу, налила ему воды и спросила:

— Ты так сильно напился, как добрался домой?

— Шел, конечно, как еще? — Юнь Шан серьезно задумался. Наверное, он действительно шел сам. Тот призрак находился в состоянии чистой души и почти не мог взаимодействовать с физическим миром, поэтому вряд ли смог бы помочь ему дойти.

Юнь Шан с трудом сел. Его нос был заложен, словно его забили двумя килограммами сухой травы. Он пошел в ванную, долго промывал нос, и только когда вышел, почувствовал запах еды.

Юнь Шан с удивлением посмотрел на Большеглазку:

— Тебе всего пять лет, а ты уже умеешь готовить?

Большеглазка снова посмотрела на него с презрением:

— Что за новости? В бедных семьях дети рано взрослеют! — Она сделала паузу и добавила:

— Но сегодняшнюю еду готовила не я, я заказала доставку.

— У тебя есть деньги?